

18+

Алекс Динго

Контуженный

Алекс Динго

Контуженый

«Издательские решения»

Динго А.

Контуженый / А. Динго — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-517878-7

Роман «Контуженый». Бушует Великая Отечественная война. Он должен выжить, чтобы спасти того, кто должен жить. Он непросто вернётся с того света, чтобы отомстить.

ISBN 978-5-00-517878-7

© Динго А.
© Издательские решения

Содержание

Контуженый	6
Глава первая	7
Глава вторая	14
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Контуженый

Алекс Динго

© Алекс Динго, 2020

ISBN 978-5-0051-7878-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Контуженый

Алекс Динго

Глава первая

Высоко над долиной осенью 1942 года, где искусно и красиво рисовались великие реки Дон и Волга, где стоял город Сталинград со всеми пригородами, где ширились бесконечные южные русские просторы, парил свободный и великолепный степной ястреб. Его большие круглые глаза цвета солода и серебристого кварца отдавали блеском. В хищном, но степенном оке отражались белые воздушные масса. В нём же виднелся опыт, лихость, хладнокровность и коварство пернатого. Тут же просматривалось и беспокойство. Он жил, летал здесь всегда и видел много. Курганник широко во всю длину расправил и держал свои сильные крылья. А по краям их, словно ладони раскрытые. Казалось, сейчас возьмётся за что – то. Мощный, острый, чуть загнутый клюв точно из платины. Бронзово-бело-тёмное оперение смотрелось красиво. Казалось, он вылит из настоящей стали на литейном цехе. Он величаво всё кружил и кружил, зорко глядя на пустынные дикие дали. И, казалось, он был несколько напряжён. Он издал гулкий звук, напрягая свои развитые голосовые мышцы. Его высокий тембр гулял на большом расстоянии. Дикая птица живо замахала могучими крыльями. И, казалось, высоты ещё прибавилось.

Небо пребывало в тёмных, холодных, сумрачных тонах. Повеял резкий октябрьский ветер. Месяц перемахнул за свой экватор. Появилась лёгкая, словно нервозная морось. Город Сталинград пребывал в жутких руинах и пустырях. Вражеские бомбовые удары сделали своё мрачное дело. Град южный фактически превратился в некий лунный или марсианский пейзаж. Косились сильно телеграфные столбы. Теперь они напоминали уродливых существ. И они страшно пугали. Казалось, они бродят по городу, как неземные мутанты. Где имелись большие завалы, невольно появлялись жуткие рожицы. Они кривились и страшно пугали, словно оживали на глазах. На полуразрушенных стенах зданий также рисовались душераздирающие тени и чуждые невообразимые образы. Местами бушевал огонь. Чернели острова выжженной и пламенеющей земли. Маленькие одноэтажные деревянные дома, старые многоэтажные кварталы и большие бетонные многоэтажки, большие престижные здания органов власти и партийного руководства, вузов, знаменитые зерновые бункеры, а также огромные промышленные районы с жилыми кварталами рабочих, – всё подверглось сильному разрушению. Страшный удар был нанесен 23 августа. В 16 часов 18 минут по городу вражеская авиация провела массовую бомбардировку. В течение всего дня свершилось около 2 тысяч самолетовылетов Люфтваффе. Бомбили город «Юнкерсы Ю-87» – «Штука» и «Юнкерсы Ю-88» – основные рабочие «лошади» немецкой авиации. Они сбросили на Сталинград порядка 8 килотонн тротильных боеприпасов, то есть бомб. Всё повторилось 14 октября. Немецкая авиация вновь атаковала город. Они совершили 3 тысячи самолетовылетов, что приблизительно адекватно 12 килотоннам. Земля просто горела синим пламенем, взлетали на воздух дома и здания. Всё тлело, пламенело и взрывалось в тот жуткий час. Количество жертв в городе было чудовищным. Где – то далеко, но гулко сотрясался воздух от бьющихся снарядов. Дымили высоко чёрные котлы. Веяло гарью и пеплом на большие расстояния. Здесь кругом чередовались узкие переулки и широкие улицы. Между ними, как правило, имелось несколько мест с широкими пространствами. Всё это дополняла подземная канализация, которая превратилась в еще одно измерение для сражения. Поле битвы заметно менялось. Постоянные артобстрелы, бомбардировки и, как следствие, пожары меняли кругозор. И вновь где – то неподалёку загревели тяжёлые орудия. Воздух сотрясся. Гулко посыпались камни, песок, обломки кирпичей. И высокая стена бетонного здания канула, словно в воду ушла. На целый километр поднялась адская, жуткая пыль. Казалось, дрожала уже избитая и раскуроченная снарядами земля. Она заметно пламенела и дымилась. Где – то вдали вновь пронёсся грозный свист реактивных снарядов.

Веял пронзительный, холодный резкий ветер. Над рекой Волгой и ближайшими окрестностями озарились немецкие осветительные ракеты. Сумрак несколько развеялся. И показались томные силуэты. По воде через водную гладь тихонько тянулась старая баржа под названием «*Сталевары Сталинграда*». Рядом чуть колыхались рыбацкие небольшие лодки. В них томились бойцы. Чуть в отдалении также мелькало стальное судно, где восседало немногочисленное подкрепление для армии. На палубе баржи также ютились красноармейцы. Здесь был и стар и млад. И пожилые люди лет 50 – 55, и 18- летние или 19-летние юнцы. Они стояли и на левом берегу реки, дрожа от холода, неизвестности и некоторого страха. На лицах всех виднелось напряжение. Многие из них обучались лишь 12 часов военному делу. Лёгкий шок не случайно охватывал все жилы. И, казалось, был неуправляемым. Все смотрели на правый берег Волги, чтобы живее оказаться там. Холодный ветер пронизывал даже плотные тёплые вещи. Он обуял всех и каждого. Молодой старший лейтенант двадцати трёх лет отроду Демид Мурза зорко смотрел на правый берег реки. Каска отдавала блеском на голове. На нём плотно сидела бронзовая телогрейка. Он обладал мощным телом. В военной части он занимался боксом. И одержал несколько побед на ринге. Одним вечером публика просто ревела не на шутку. В другой стороне угла ринга прыгал коренастый Самсон. По фамилии Гири. И руки у него весили, как настоящие пудовые гири. И бил он ими точно и уверенно. Демид висел на канатах. Его лицо как будто к горячей сковородке приложили. И текла кровь из поломанного носа. Сечка широкая под правым глазом никак не давала успокоиться. Багряная влага тонкой струйкой стекала на светлый настил. Рефери поединка, высоко подняв руку, смотрел на лицо Демиды. И зажимал пальцы. А у того всё кружилось перед глазами. Демид всё же пришёл в себя под жуткий ор секунданта Кеши Кукина. И живо оттолкнул в сторону рефери. И резко замалхал боксёрскими перчатками. Соперники крепко сцепились. Но тут же растолкались. И первым всё же ударил Самсон. Удар его получился хлёстким и плотным. Демид вывернул шею, как мог. Он осмотрел чуть ли не весь зал, где что – то кричали фанаты. Из рта полетела кровавая слюна. Брызнуло далеко. Прямо до канатов. Глаза округлились. Казалось, челюсть нижняя вильнула немного. Но Демид тоже махнул своей левой рукой. И его знаменитый хук слева получился что надо. Боксёрская перчатка облюбовала висок соперника. Самсон встал на носочки. Его тут же повело в сторону. Он завалился на канаты. Но не упал. Тут же прозвучал финальный гонг. Публика взревела. А трофей и пояс чемпиона флота всё же завоевал Самсон. В его послужном списке уже значилась десятая победа при нуле поражений. Но и Демид в тот вечер, как считал сам, не проиграл. Он крепко стоял на ногах. И мог боксировать ещё пару раундов. А может быть и больше. Демид и Самсон мило тогда обменялись любезностями. Но каждый из них знал, что дело ещё не завершено. Они договорились о новом поединке. Но не сложилось. Началась вторая мировая война. Демид глубоко вздохнул. Глаза чуть прищурились. В развитых руках автомат ППШ – 41. Лицо приятное, – глаза большие цвета бурлящего водопада, нос прямой греческий, но с маленькой горбинкой, щёки округлые, рот широкий, губы битые полные с оттенком алого рассвета. Виднелось лёгкое напряжение. Он уже побывал в бою и получил тяжёлое ранение. Пуля немецкого снайпера пробила ему насквозь правое плечо. В санчасти он пролежал около месяца. И ещё ощущал неприятные последствия той раны. Демид невольно вспомнил свой короткий рукопашный бой. Он орудовал большим, самодельным ножом. И руки его тогда по локоть окропились кровью противников. Он налетал на неприятелей как кобра. Пока сам грузно не завалился на окровавленный глинистый песок. Теперь он вновь был в строю. И ему предназначалось организовать боевую единицу среди тех, кто находился на барже.

Повеял сильный, холодный ветер. Кузьма Кузин чуть оправил на голове шапку – ушанку. Ему уже исполнилось пятьдесят три года. Он слыл местным. И всю жизнь прожил на окраине Сталинграда. Работал тридцать лет в колхозе «Красное Знамя» бригадиром. Лицо его медное напряглось. Глаза глубокие тёмные смотрели прямо. На теле телогрейка. А поверх неё шинель.

В жилистых руках автомат ППШ – 41. Он бегло глянул на молодых ребят, который ютились за спиной. Они бегло переглядывались. И взирали по сторонам, где таилась темнота и неизвестность. Пустынные дали выглядели мрачно и безжизненно. У каждого бойца в руках имелось оружие. У кого автоматический карабин СВТ – 40, у кого автомат, а у кого пулемёт «Дегтярёва». Кто – то владел и обычной, но надёжной «мосинкой». Наблюдалась тишина. А вдаль то и дело вспыхивали снаряды. И гремело оттуда. Баржа всё двигалась вперёд. За штурвалом стоял отважный старый моряк Волжской флотилии Ермолай Будкин. Ему уже исполнилось пятьдесят восемь лет. Но он выглядел моложе своих лет. На округлой голове тёмная фуражка. На ней большой значок в виде красной звёздочки. Ленточки тёмно-синие чуть колыхались. Его лицо со сплавом меди и стали покрывали тонкие морщины. Глаза узкие, светло – синие, глубокие. Он носил короткие несимметричные усы. Чем – то он походил на лихого судака, которого сам же часто вылавливал из реки. Развитые мозолистые руки работали умело. По молодости он слыл настоящим хулиганом. И часто дрался на танцах. Ему сильно попадало. Как – то лунной ночью он гулял со своей девушкой Златой. Её он отбил у своих приятелей. И был галантен. Он тогда никак не мог налюбоваться на девушку. Они сладко и долго целовались возле местного кинотеатра, и у памятника А. С. Пушкина, и у монумента свободы и независимости. Поцелуи просто не заканчивались. Всю ночь напролёт они гуляли по большому городу. И только яркие огни фонарей являлись свидетелями их долгих незабываемых поцелуев. Они заворожались в поцелуе, который продлился около одного часа тридцати трёх минут. И это был их маленький рекорд. Чудно и нежно работали круговые мышцы рта. Другими словами «*m. orbicularis oris*». Девушка умело завораживала своей красотой. И в поцелуях знала толк. Много читала книг и часто смотрела французские фильмы. Она знала, сколько мышц задействовано, когда целуются. Один поцелуй задействует 146 мышц для координации движения, включая 34 лицевых и 112 – позных мышц. Она знала, что поцелуй вызывает напряжение 38 мышц лица. Из них 12 отвечают за движения губ и 15 – языка, благодаря чему кожа лучше снабжается кровью и чудно выглядит. При поцелуе расширяются кровеносные сосуды, немного повышается давление, быстрее бьётся сердце, – знала она. Сама Злата Мишкина статная высокая. Волосы длинные густые тёмные. Лицо белое. Глаза как льдинки. Грудь пылкая, упругая и третьего размера. Казалось, страстная малышка вынырнула из воды и жала там, как русалка. Моряк Ермолай тяжело вздохнул, вспомнив свои чудные дни. С девушкой он расстался, когда началась война и ничего больше о ней не знал. Вода бурлила, разбиваясь о стальные борта баржи. Та тянула вперёд, ревя крепким гулким мотором. Кузьма сильно вцепился руками за автомат. Чуть оправила рукой две гранаты, которые имелись за ременчатым поясом. Тонкими губами крепко сжал не подкуренную сигарку. Виднелось лёгкое волнение. Мысли его путались. *„Эти ещё зелёные совсем... Молоко на губах не обсохло... А уже в бой. Ничего бойцы... В бою закалитесь. Я – то уже стреляный воробей. Ранило меня несильно. Но я снова в строю... Помню. Мы в атаку пошли. Рядом со мной кто – то покосился. И ещё кто – то упал. Я пригнулся. Бежал со всех ног. Потом нырнул в траншею. Вижу пулемётчик щуплый такой. Я его прикладом по каске. Та отлетела в сторону. Я ударил пять или шесть раз. Тот уже лежал на дне траншеи неживой. Враг дрогнул. В дыму замелькали отступающие фигуры. Я, навалившись на бруствер, дал длинную очередь из автомата. И поразил нескольких эсэсовцев. Те покосились. Я выполз из траншеи. И побежал сломя голову в атаку. Кого – то из недругов просто снёс прикладом автомата. Удар получился у меня сильный, плотный и хлёсткий. У того малоприятно жидкого эсэсовца, казалось, челюсть отлетела в сторону. И сам я упал. Меня мощно оглушило. Из ушей кровь пошла. За спиной вражеская граната взорвалась. Телогрейка окропилась кровью. Я заглотал ртом тёмный, душливый дым. И песок грязный опробовал. Всё закрутилось передо мной. В глазах заребило. И тут же темнота сплошная. А потом уже в госпитале я очнулся. Уже за рекой. Я им этим гитлеровцам снова вмажу сейчас по первое число. У меня не забалуёт. Голыми руками рвать буду. Как Тузик грелку. Не останавлиюсь... Сколько тут*

нас... Может, двадцать или тридцать бойцов. Только бы переправиться на тот берег. Уже не далеко. Ещё немного. Тут как на ладони. Всё время палят сволочи... Головы не поднимешь. Сколько уже в воду кануло... Никто не считал... Ничего... Я им сейчас всем задам. Этим эсэсовцам. Хреновы уроды...», – подумал он. Кузьма глубоко вздохнул. Он крепко сжал руками свой табельный автомат ППШ – 41.

Наседал небесный сумрак. Ветер холодный и резкий вновь дал о себе знать. Большая и глубокая река Волга, находясь в своём привычном русле, тянулась вдоль берега далеко и терялась из виду. Волны, колыхаясь, невысоко поднимались. Советские баржи, лодки и катера, мелькая в томном озарении, двигались к мели. И вновь над рекой и окрестностями зависли немецкие осветительные ракеты. Они ярко засияли, озаряя всё вокруг. Показались руины города. Берег был близок. Воздух резко оборвался жутким свистом. Полетели вражеские артиллерийские снаряды. Вода всколыхнулась и полетела высоко. Где – то грохнула бомба ближе к левому берегу. Ещё один снаряд упал рядом с небольшим судном. В разные стороны полетели мутные брызги и струи речной влаги. Баржи и катера всё же тихонько двигались, разрезая водную гладь. Бойцы прижались к бортам и палубе. И вновь пронёсся шквальный свист снарядов. Загудело в ушах. Бомбы ударили прямо в воду. Несколько ударов пришлось между идущих катеров. Поднялась большая, томная волна. Полетели в разные стороны брызги. Что – то закрипело. Осколки снаряда прошлись по стальной стене баржи. Неподалёку грохнуло гулко. Вверх полетели мощные струи воды. Словно фонтаны открылись. Снаряд угодил точно по центру небольшого катера. Прогремел взрыв. Вспыхнул язык пламени. Из капитанского мостика повалил тёмный дым. Судно просто пробило и разделило на две части. Дым ещё больше закрутился и потянулся вверх, как лютый змей. Несколько фигур просто резко вылетели из горящего катера. Как будто стояли на пороховых бочках. И живо нырнули в воду. Кто – то широко замахал руками. Одежда полыхала синим огнём. Затем озарение погасло. Тёмная фигура нырнула в холодную воду. И словно испарилась. И свист не прекращался. И вновь на миг озарилось сумрачное небо. Красноармейцы и новобранцы, терпя кораблекрушение, живо запрыгали в воду. Их быстро поглотила пучина. Они, вынырнув, двинулись вперёд. Но не все. Кто – то, получив жуткое ранение, потянулся ко дну. Молодой боец Веня Кукушкин, отменно плавая, прихватил за шиворот своего приятеля. И потащил, как мог. А тот еле двигал руками. Емеля не соображал. Лицо смазливое белое сильно обожгло. Глаза синие раскосые слегка покосились. Струилась кровь из правого плеча.

– Держись Емеля... Я тебя вытащу..., – смело произнёс Веня.

– ААААА... ААА, – раздался громкий крик.

– АААА... Держись братан...

Ветер сильно задувал. Навевал заметный холод. Сумрак на миг озарился осветительной ракетой. Пронёсся гулкий звук. Вновь засвистели вражеские снаряды. Где – то грохнуло в стороне. Затем ещё ближе ударило. Бомбовый натиск поднял большую волну на реке. Бойцы, оказавшись в воде, живо поплыли в сторону берега. Их закачало. Все задёргали руками. Кто – то ещё держался за табельное оружие. И отчаянно двигался вперёд, чтобы выжить и сражаться. Кто – то нырнул в воду. И, казалось, уже не появился из пучины. Но всё же боролся, чтобы выжить.

– ААААА... ААА, – пронёсся громкий гул утопающих.

– Живее на берег...

– Быстрее гребите...

По воздуху пронёсся гулкий свист. И вновь обрушился шквал артиллерийского огня. Несколько раз грохнуло на побережье. Затем всколыхнулась тёмная вода. Ещё удары посыпались где – то далеко в стороне. Там кувырнулась лодка. Её невероятно сильно качнуло на волнах. И все бойцы разлетелись в разные стороны. Кого – то сильно ударило веслом. Кто – то упал неудачно. И глотал воду открытым ртом. Рядовой Яков Васильев, находясь в воде, быстро

осмотрелся. Он нырнул глубоко в томную пучину. Он живо пошёл ко дну. В руках держал надёжный карабин. И боялся его выпускать. Вся одежда быстро насытилась влагой. Холод пронизывал жилистое тело невероятно. И ощущался всеми фибрами души. Глаза светло-синие округлились. Он их просто не закрывал. Из носа потянулись кверху пузырьки. Он держал рот закрытым. Но всё же глотнул речной, холодной воды. И дальше погружался в толщу тёмной воды. В ушах гул и бурление. Он чуть задвигал ногами. Но всё тщетно. Губы слегка двигались. И, казалось, он просто матерился. И резко замотал головой. И чуть двигал руками и ногами. И, казалось, уже смирился со своей жуткой долей. Глубина нарастала.

– ААААА... ААА, – кто – то громко закричал вдали.

– Спасите... АААА...

– Быстрее все на берег.

– Гребите быстрее...

Веял холодный ветер. Катера и лодки двигались вперёд. С их бортов полетели спасательные круги и канатные верёвки. Кто – то сразу принял помощь и крепко зацепился за спасательный трос. Где – то неподалёку вновь загремело. Вода вздыбилась вверх на несколько десятков метров. В разные стороны полетели холодные струи. Прямо ледяной душ, как по заказу. Рядовой Давыд Ухин, умело плавая, погрузился в воду. Лицо медное. Глаза круглые, дикие. Он чем – то походил на кота Барсика, который славился своей резкостью. Он, рассчитав глубокий манёвр, резко схватил своего приятеля за шиворот шинели. И потянул сразу же на поверхность. А тот недоумевал, крепко держась за карабин. Вверх всё тянулись пузырьки. Темнота пугала. И дышать уже нечем. Волга всколыхнулась. Прогремли рядом взрывы снарядов. Глубину разрезали жуткие снаряды. Они миглом улетали ко дну. Словно игрались. Рядовой Давыд, вынырнув, крепко приобнял своего закадычного друга. Они росли в одной деревне. Яков тяжело задыхался. И выплюнул изо рта струю воды. Его лихорадило. Глаза шальные быстро бегали. Он был в шоке. А Давыд потянул того к берегу. И сохранил много сил. Он дома часто на плечах носил тяжёлые брёвна из леса. И путь равнялся около километра.

– Двигай руками живее Яков... Плывём к берегу... Тут нельзя оставаться. АААА, – громко произнёс Давыд.

– ААААА... ААА, – закричал Яков, осознав свой ужас.

– Быстрее...

Ветер сильно задувал. И вновь мелькнуло жуткое озарение. И сразу коварная темнота. Прогремли взрывы чуть в стороне. Горящий катер уже совсем погряз в воде. Мелькали только передний край кормы да задняя стенка. Он продолжал тонуть. И ещё сильно дымился. Вверх тянулся вихрь, как жуткий змей. Он смотрел на всё свысока. Кое – где появились неживые тела. Из воды торчали только спины. Их чуть сносило по течению. Ещё плавало всякое имущество, – одежда, бочки, брёвна. Всё относилось в сторону по течению. И вновь в воздухе пронёсся жуткий свист. Бомбы ударили прямо по воде. Один фонтан. Затем второй. И третий появился, как по заказу. Где – то неподалёку перевернулась ещё одна лодка. Бойцы, терпя бедствие, живо поплыли к берегу. Он был уже близко. А впереди кое – где мелькали огоньки разрушенного города. Сумрачные дали вновь озарили немецкие сигнальные и осветительные ракеты. Река живо опустела. Катера прижались к правому берегу Волги. Баржа «Сталевары Сталинграда» успешно причалила к мели. Бойцы оживились. Все ринулись на землю. Старший лейтенант Демид Мурза лихо замахал рукой. Он живо прихватил раненого бойца Микулу Лодырева. Ему исполнилось недавно девятнадцать лет. Парень прошёл 12 часовую военную подготовку перед самой отправкой на фронттовую линию. Он был жилистым и весил немного. На нём сидела плотно сырая шинель. Лицо белое. Глаза узкие содового цвета, как у анаконды. За спиной висел карабин. Демид крепко прихватил парня за руки и завалил того на себя. И двинулся в сторону берега. Его чуть заштормило. Сапоги кирзовые подкованные вязли в илистом дне и взяли много влаги. Уже чавкало внутри. Но он не ощущал. Весь взмок. Дышал тяжело.

Сердце билось, как шальное. Просто шёл вперёд, держа на себе раненого бойца. Тот уже бредил, не понимая где находится. В плече был большой осколок. И кровь капала незаметно.

– ААААА... ААА, – застонал Микула.

– Держись боец. Я тебя вытащу... Помогите остальным... Живее. Там ещё есть раненые..., – скомандовал Демид.

– Все на берег...

– Вперёд...

– ААА... Держаться...

Сумрачные речные дали и песчаные берега ярко озарили немецкие осветительные ракеты. Они быстро померкли. Где – то над водой вновь разорвались снаряды. И поверхность реки вздрогнула. Влага вздыбилась. Она закипела, выбрасывая высоко ледяные струи и брызги. И взбилась белая шипучая пена.

Веял холодный ветер. В томном озарении мелькала брутальная мощная фигура полкового комиссара Платона Никифоровича Утюгова. Ему уже исполнилось тридцать восемь лет. Родился в небольшой деревне под Москвой. Вступил в ряды Красной Армии. И затем продолжил обучаться военному делу. В минуты затишья он любовался на фотографию, на которой он крепко обнимал свою большую семью. И сладко целовал свою румяную пушку – жену Вику. Её он отбил на танцах у своих ровесников и сослуживцев. Тогда завязалась нешуточная драка с бесшабашным Витей Орловским. Тот имел большой вес и рост. Лицо как мордочка у крокодила. Глаза светлые, лютые. Он неровно дышал, вожацки взирая на красотку Вику. И как дикий вепрь по имени Витя бросился на своего оппонента. Тот сразу принял на себя несколько тяжёлых ударов. Челюсть вильнула. Вылетела кровавая слюна изо рта. Но Платон устоял на ногах. Он мигом ударил своего соперника в челюсть. Пронёсся гулкий звон. Витю заштормило. Глаза покосились. Но он всё же махнул своей тяжёлой рукой. Но даже мимо не попал. Платон ловко перекинул визави через себя. Тот грузно упал на асфальт. И сразу пропало желание биться за самку. В глазах потемнело. Но драка на этом не закончилась. На Платона лихо бросился крепкий брутальный Алексей – приятель Вити. Он широко замахал своими развитыми длинными руками. Бил прицельно. Его кулаки ощутили боль. Он занимался боксом с пятого класса. Платон, принимая дули, чуть пятился. Голова, казалось, крутилась во все стороны. Из рта вылетали багряные брызги. А он всё пятился и не падал. Затем он расвирипел. И махнул своей правой рукой. И попал очень точно под челюсть Алексея. Тот прямо чуть подлетел, потеряв равновесие. Голова стала, как будто на сто килограммов тяжелее. В глазах сильно зарябило. Всё пошло кругом. Алексей, потянув свои носки на кожаных ботинках, упал на тротуар. И больше не поднялся. Стал бредить и чуть двигать руками. А Платон, чуть пошатнувшись, слегка ухмыльнулся. Он сплюнул изо рта кровь. Его чуть повело в сторону. Но на ногах он стоял крепко. Тут подоспел приятель Вити – буйный коренастый Олежек Орешкин. Он, взяв в руки деревянный ящик, крепко ударил с плеча своего визави. Щепки и ломанные дощечки полетели в разные стороны. Платон сильно пошатнулся. Но на ногах устоял. Он с разворота врезал по наглому лицу соперника. И у того пухлое лицо сотряслось. Круглые цветы пивной пены глаза померкли. Олежек, чуть подлетев, упал на бетонную площадку. И встать больше не мог. У него был перелом челюсти. Такой крепкий и плотный получился удар. Тут же приятели Витька – Феликс и Тимур побежали врассыпную. Только пятки их засверкали. Платон же бегло осмотрелся. На площадке лежали его поверженные визави. Он подошёл тихонько к своей избраннице. Та стояла возле афиши. Лицо приятное белое. Глаза большие выразительные, как медальки. В них бурлило синее море. Нос словно лучик. Губы бантиком естественного цвета. Брови густые домиком. Она носила густые тёмные волосы. На ней тогда красовалось сиреневое платье. Она чуть покривилась, стоя на высоких каблуках. И сразу потянулась к любимому бойфренду Платону. Любовная парочка нежно поцеловалась в губы в засос. А затем они живо пошли по пустынной площадке. А вдали расплывался багря-

ный закат. Отдавало свежестью. Над фонарями красиво кружили ночные мотыльки. Воздыхатели, укрывшись в своём гнёздышке, занялись жаркой любовью. Стальная кровать ритмично заскрипела. Поцелуи страстные и нежные не заканчивались. Он неистово ласкал её большие пыльные горячие, как крутые горки «наливные яблочки». И глубоко проникал в девушку. Вика задавала тон. Она, сидя на любовнике, изнывала. Её безупречное красивое обнажённое тело покрылось тонким влажным блеском. И приятный холодок ощущался всеми фибрами души. Она чувствовала глубоко его силу внутри себя. И, казалось, жаждала большего. Она, невероятно прогибаясь, охотно отдавалась своему рыцарю. Она раз за разом любовалась и гладила руками его мощный рельефный торс. Охи и вздохи продолжались до самого раненого утра. Платон, когда случалось особо тяжело, любовался на фото. Изображение его вдохновляло. Там рисовалась его большая семья. Младшего годовалого сынишку Никиту держал на широких плечах. А старших детей Самсона, Клавдия, Николая и дочек Дину, Аделину, Марию холил и лелеял тёплым взглядом. Их обнимал руками. Он здесь был уже с первых дней сражения. Побывал летом в битве под городом Калач. Там его слегка ранило в руку. В начале сентября он вновь принял жуткий бой, сражаясь за Сталинград. И вновь получил ранение. Но быстро восстановился в санчасти. На нём плотно сидела тёмная, кожаная куртка. Имелись и знаки отличия. Выделялись его развитые мускулы на теле. На ремне коричневая планшетка. В руках он держал табельный пистолет ТТ. Голова большая. Стрижка короткая под полубокс. Его украшала фуражка, где имелаась заметная красная звёздочка. Лицо медное. Даже больше багряное. На правой щеке малозаметный шрам от шального осколка. Глаза большие, чуть дикие, цвета бурной реки и тёмного блестящего рубина. На шее бычьей выделялись широкие вены. Он активно замахал руками. Ноги держал широко. Его голос звучал твёрдо и звонко. Платон имел жуткий бас.

– Вперёд бойцы... Все сюда. Всем уйти с линии огня... Занять оборону. Вперёд. Мать вашу... Все сюда. Мать ети... Быстрее... Вперёд... Сюда живо все. Вашу мать..., – громко скомандовал он.

Небо сковало, словно тёмными ручьями. Они живо неслись странными путями. Поддувал ледяной ветерок. Вновь воздух сотрясли взрывы снарядов. Берег реки окутал тёмный дым. Вверх подлетела влага, ил и песок. Всё смешалось воедино. Потянуло взрывчатой гарью. Бойцы живо побежали вперёд. Все рассредоточились. Многие метнулись к пристани, чтобы вступить в город. А затем принять бой.

Глава вторая

Небо сумрачное пестрило неясными, рваными облаками. Вдали всё темнело. Веял холодный, осенний ветер. Близилось раннее утро. Над промышленными районами Сталинграда ввысь поднимались облака тёмного дыма. Веяло жуткой гарью и пеплом. Кругом возвышались исковерканные стены каменных построек. Стальные ангары также пребывали в разрушениях. Груды камней и металла образовывали заторы на улицах и переулках. Чудились жуткие создания, которые появлялись сами по себе. Они пугали и завораживали. Они возникали повсюду, словно вылезали из другого параллельного мира, где царствовал полный ужас и хаос. Бойцы 13 гвардейской стрелковой дивизии притаились за битой, расстрелянной, каменной стеной. Кто – то укрывался в разбитой траншее. А кто – то таился за кучей ломаного камня и кирпича. В штурмовой группе значилось всего двадцать три бойца. Все замерли и ждали приказа. Здесь среди прочих имелись и новобранцы – молодые юнцы и те, кто был уже в возрасте. Самому старшему Ивану Коротышкину уже миновало пятьдесят семь лет. Лицо его медное, суховатое, жилистое. Глаза большие, немного шальные. Губы тонкие цвета ярко багряного. Он носил густые усы. На нём закоптелая телогрейка. За поясом несколько ручных гранат. В руках автомат ППШ – 41. Иван значился метким стрелком. Он лихо и далеко кидал гранаты. Так он подавил уже несколько миномётных точек вместе с личным составом противника. Самым молодым бойцом являлся Савва Тарелкин. Тут его так и называли по прозвищу Молодой. А он немного обижался. Ему исполнилось недавно восемнадцать лет. Буквально отметил своё день рождение месяц назад. Затем получил повестку и отправился на пункт военной подготовки. Двенадцать часов он проходил обучение тактике и военному делу. Ему выдали тёплую одежду и обмундирование. Он получил автомат ППШ – 41. Запасную обойму он уже нашёл непосредственно в городе. Теперь значился бойцом штурмовой бригады. Он довольно высокий. Тело двужильное, развитое. Лицо, как мордочка у дикого быка. Он часто засматривался в одном направлении. Но мух не считал. Глаза немного дикие, широкие, с оттенком сиреневых облаков. Губы полные и вытянутые вперёд. Одного эсэсовца Уно он просто задушил голыми руками. А тот весил немало. Около восьмидесяти килограммов. Крепко сжал шею и держал над собой, пока тот не скончался. Савва кричал громко, когда шёл в рукопашную битву. Его голос вводил врага в ступор. Ор его такой поднимался, что штукатурка отпадала от стен. Сейчас он прищурился, навалившись на каменную грудку. В руках крепко сжал табельный автомат. Телогрейка плотно прилегала к мускулистому телу. За пазухой он держал пару ручных гранат. В кобуре сидел мощный трофейный кортик. Чуть в стороне в узком разбитом переулке стояла лёгкая противотанковая пушка «К-53». Ствол смотрел куда – то ввысь. Оружие тащили бойцы Афанасий Большунов, Василий Дамко и Герасим Пятюхин. Все уже не раз проявили себя в бою. И значились, по сути, ветеранами битвы. Афанасий уже в возрасте. Ему пятьдесят лет недавно исполнилось. Лицо багряное, как будто загорал на курорте. Он тридцать лет проработал на бульдозере. Сам широкий, как медведь. Василий узкоплечий молодой рубаха парень. Лицо бледное, слегка чумазое. Каска большая, казалось, скрывала его округлые, синие глаза. Виднелся только нос и рот. На остром подбородке виднелся небольшой шрам в виде тонкой чёрточки. На жилистом теле плотно сидела телогрейка. За спиной висел карабин. В кобуре прятался острый нож. Герасим интеллигентный, рослый, упитанный. Он работал учитель музыки в сельской школе и сам часто сочинял оды. Лицо приятное с лёгким загаром. Глаза прямые тёмные, как у истинного южанина. Нос большой, греческий. Губы полные с оттенком алого цвета. Он чем – то походил на известную кинозвезду.

Повеял холодный, осенний ветер. Старшина Николай Яковлевич Ярилов, лежа на камнях и бетонных блоках, взялся за бинокль. Ему уже на днях исполнялось неполных пятьдесят годов. Где он только не работал. И водителем, и сварщиком на заводе и на стройке, и дворником,

и плотником, и слесарем, и даже он катера водил на реке Волге. Сам статный красавец. Прямо кинозвезда. Глаза живые с оттенком ясного небосвода. Взгляд волевой, как у тигра. Там на пристани у Волги и познакомился со своей будущей женой Томой Мурковой. Она имела статную фигуру. Грудь её пылкая третьего размера. Коса тёмная длинная. Лицо беленькое. Кожа нежная. Глаза чудесные, как океан. Губы бантиком, словно силиконом накаченные, брови домиком. Ноги загорелые от ушей. На ней всегда пестрили яркие платья в горошек. Он же устроил ей настоящую романтическую встречу. Просто угнал катер на целый день. За это после его и уволили. Но тот денёк получился на загляденье. Любовная парочка укатила на катере прямо в розовый закат. Они целовались и танцевали до упаду на площадке катера под открытым небом под мелодии «Московские вечера», «Сиреневый туман», «Очи чёрные...» и «Катюша». А кругом водные речные бесконечные глади. И чудесные дали, куда так и хочется улететь на воздушном шаре. И как заворожённо и красиво он ухаживал за своей пассией. Он выносил шампанское и фрукты на подносе, носил её на руках, много шутил и балагурил. Она смеялась мило, громко, чудно и заманчиво. И порой глупые, и пористые поцелуи не заканчивались. Они, тогда стоя у бортика, нежно и сладко целовались в губы. Вкус дурманил. То пористый и немного сладкий получался поцелуй, то нежный и чуть солёный, то кремовый и бархатистый с обильной слюной. Прямо страсть и агония. Возлюбленные занялись жаркой любовью прямо на капитанском мостике. И их молодые сердца в порыве совокупления очень долго бились в унисон. А её большие глаза цвета далей океана завораживали напрочь. Николай, тогда лишившись работы в порту, устроился в кинотеатр дворником. И долгие вечера там зажигал со своей пылкой пассией на задних рядах, где собирались истинные любители поцелуев. Он прожил в городе Сталинграде около двадцати лет. Ещё несколько годов отбыл в местах не столь отдалённых за дерзкое хулиганство. По пьяному делу разбил витрину универмага. Там он познакомился с крутыми ребятами. Они и научили его некоторым фокусам. Теперь его бросок ножа приравнялся к броску кобры. Он всегда держал запасное лезвие в рукаве тёплой телогрейки. Сына Никифора уже взрослого потерял по простой глупости. Тот сильно напился и попал под трамвай. Николай быстро проглотил слюну. Сейчас он выглядел сурово и чуть старше своих лет. Уже проступила малозаметная седина на очень коротких томно-русых волосах. Глаза глубокие, как две щёлки цвета бурной реки и пенного водопада прищурились. Лицо округлое жилистое медно-томного цвета напряглось. Виднелась жёсткая щетина. И выказались вены на мощной шее. Нос прямой, вздёрнутый на кончике. Ноздри широкие, как у кабана. Тело развитое, но жилистое. Руки сильные, мускулистые. Прямо округлые большие бицепсы виднелись. Его развитый, округлый торс имел невероятную рельефность. Здесь же имелась и небольшая синяя наколка. Она походила на маленькую летучую мышь. Он как – то увлекался тяжёлой атлетикой. И легко поднимал одной правой штангу весом в сто килограммов. Но бросил спорт довольно быстро. Увлёкся спиртными напитками. Но уже давно завязал туго с выпивкой. На нём плотно сидела телогрейка. На голове пилотка. Тут и значок – большая красная звёздочка. В карманах имелось несколько ручных гранат-лимонок. За спиной висел автомат ППШ – 41. Николай, зорко наблюдая за зданием бывшей профсоюзной конторы, напряг свои жилы. Сейчас он походил на спокойного питона, который терпеливо выжидал и уже обвивал своим могучим телом потенциальную жертву. Мысли томили. *«Так... Знака никакого не было... И видел я... Кто – то мелькнул в томно – зелёной форме. Немцы в здании. А ещё вчера наши там были... Вот значит, как получается... Взяли контору сволочи... Ничего. Сейчас мы вам выпишем билет домой и на поезд всех вас посадим... И покатайте вы своей нелёгкой дорожкой. Значит, они там... Засели и сидят хорошо... У нас какие шансы... Пробить стену... Она уже пробита... Шумно будет. С другой стороны... Заходить в этот ход опасно. Явно засада там. Гранатами закидать. Другой вариант. И заходить быстро... Опять же пулемёт может быть, где – то в стороне... Отсюда не увидишь. Да и там не лучшие... Когда подойдём. Тогда пробить другой вход... Ближе... Ещё ближе. А потом гранатами закидать первый этаж наш. Дальше*

по лестнице с боем. Другой разговор... Да и заминировали старый вход, скорее всего... Так... Так. Сейчас... Как бы нам это всё лучше проверить. Ход у нас один... Разведчики доложили на улице тихо. Значит, можно с ходу брать итурмом. Интересно, сколько их там засело этих эсэсовцев... Но одного я видел это точно... Значит, они там... Брать надо их прямо сейчас... Выстрел из пушки. Пара секунд. Мы заходим. Пулемёт они не успеют передвинуть. Дальше вверх по этажам... Тихо пока как... Как тихо. Ладно. Надо действовать... Прямо сейчас... Нечего размусливать... Засели там значит, уроды...», – подумал он. Старшина выдохнул, бегло глянув на рядового Кондрата Куклина. Тот имел приятную внешность. Глаза большие, выразительные, цвета золотого песка. Нос прямой с горбинкой. Губы широкие тонкие с оттенком горячей стали. Он носил тонкие чёрные усы. Сам высокий. Тело развитое. На поясе большой кинжал в кобуре. Само лезвие из уникальной дамасской стали. Он уже не раз его окропил кровью врагов. Слыл на гражданке поваром. Работал в ресторане «Поплавок» у реки. Готовил самые уникальные блюда из разных кухонь мира. Прямо золотые руки. А закончил только быстрые курсы.

– Ну... Что там Коля? – спросил Кондрат.

– Глухо дело. Немцы там... Уже заняли наши позиции... Теперь отбивать придётся... Сволочи... – ответил Николай.

– Отобьём...

– А что ещё. Загорать тут не будем. Да и солнца не предвидится. Давай сюда нашего пушкаря Афанасия... Ему надо быстро всё растолковать.

– Аха... Афанасий... Сюда... Давай...

Повеял лёгкий ветерок. Боец Афанасий живо двинулся вперёд. Он пошёл чуть ли не гуськом. За его широкой спиной диагонально висел карабин. Руки грубые и сильные облюбовали битые камни. Под сапогами перебирался и сыпался песок и камешки. Он, выдохнув, прижался к каменной груде. И навалился на неё своим развитым торсом. И тут же глянул на лицо командира. Старшина был несколько взволнован. Он всё напряжённо и зорко смотрел в бинокль. Глаза сильно прищурились. Николай сжал суховатые губы. И тут же передал бинокль своему боевому приятелю Афанасию. Тот принял и прижал к лицу.

– Смотри Афанасий. Лучше смотри... Задача вам такая. Ближняя к тебе стена на первом этаже конторы. Там есть уже пролом. Но там засада. Чую я. Я всегда чую... Вам нужно пробить ещё один вход ближе к углу здания. Бей бронебойным снарядом. И сразу мы заходим. Потом по команде. По верхним этажам бейте фугасными и осколочными снарядами. Только по сигналу. А то в нас попадёте ещё... Задача ясна..., – твёрдо заявил старшина Николай.

Повеял лёгкий ветерок. Пушкарь Афанасий зорко смотрел в бинокль прямо на здание разбитой заводской конторы. Он прищурил своё меткое око. На красно-бело-сером трёхэтажном здании заметно обрушилась крыша. Но не вся. Виднелся внутренний чердак. Там имелись обугленные ломаные доски и брусья. Некоторые разбитые окна имели теперь округлое отверстие. На стенах оголялась кирпичная кладка. За зданием тянулся дымок из глубокой расщелины в земле. Казалось, она вела в коллектор – канализацию. Большое дерево давно сломилось. И имело вид абсолютно безжизненный. Как и вся улица и все переулки города. Здесь давно поселилась пустыньность. На дорожке и тротуарах имелись глубокие выбоины и сломы. Возле обугленного входа в здание лежала расстрелянная из автоматов деревянная дверь и обугленные доски. Образовывался небольшой завал. Вокруг рисовалась жуткая панорама из разбитых зданий и гаражных цехов и боксов. Виднелись воронки кругом и большие груды из камней. Чуть поодаль стоял, словно на пригорке подбитый советский тяжёлый танк КВ – 1. Бронетехника уже выросла в песок и грунт. И, казалось, он здесь стоял всегда. Он заметно косился. И, как будто, мчался с горы. Пушка смотрела в землю. На баше рисовались круглые люки в открытом положении. А рядом с танком имелась большая, глубокая воронка. Где – то неподалёку дымился немецкий самолёт «Хе – 111». И торчал из разбитой земли только его

хвост. Внутри заводской конторы на всех этажах располагалась часть 51 немецкого стрелкового корпуса. Здесь находились солдаты вермахта. Среди прочих и немцы, и венгры, и итальянцы и даже румыны. Ими командовал штурмбаннфюрер СС – командир бригады Франс Рихтер. Ему недавно исполнилось тридцать девять лет. Он имел сухожильное, но развитое тело. На овальной голове плотно сидела квадратная тёмная каска, где красовалась свастика. Лицо загорелое. Глаза узкие лютые цвета шипящей соды. Губы тонкие широкие с оттенком белого пепла. Чем – то его фейс напоминал мордочку жуткого ягуара, когда он улыбался. А улыбался он редко. На нём плотно сидел китель и маскхалат, который отлично сливался с местными реалиями. Франц значился кавалером рыцарского Железного креста. И держал свою награду на кителе. К ремню пристёгивалась гладкая кобура. Там сидел личный пистолет – парабеллум. На запястья он надевал трофейные часы. Их насчитывалось по пять на каждую руку. Он выбирал самые красивые механические часы и слыл эстетом. Сейчас он восседал на деревянном ящике и проверял на боеготовность свой табельный автомат МП – 40. На поясе висели запасные обоймы в кожаном патронташе. За спиной находился противогаз, уложенный в металлический тубус – комплект. Внешне он походил на цилиндр, как термос. Франц бегло осмотрелся. Рядом с ним стоял ящик, в котором лежали трассирующие патроны. Он взялся набивать обойму. Тут же рядом с ним находился его соратник немецкий фельдфебель Отто Боано. Тот имел довольно приятные черты загорелого лица. Глаза прямые тёмные, как у варана. И внешне он чуток походил на хищную рептилию. Нос чуть витой и с горбинкой. Губы полные цвета томно багряного. Он часто показывал свою белую улыбку. И умело играл на губной серебрястой гармошке. И сейчас взялся за свой музыкальный инструмент. И слегка засвистел мотив чудной песенки.

– А ну брось это... Хватит. Ты мне действуешь на нервы Отто. Хватить дуть в свою дудку. Лучше делом займись..., – резко сказал командир Франс.

– Франс расслабься старина. Все под контролем... Русских здесь пока нет..., – вальяжно ответил Отто.

– Я сказал не отчётливо. Отто. Ты не понял. Брось это. Пока я не выброси твою гармошку в окно... Вместе с тобой..., – нервно выразился Франс.

– Франс. Да что с тобой. Ты какой – то нервный в последнее время. Всё же классно. Мы взяли контору. И всех перебили, кто не убежал. Теперь у нас отличная позиция. Русским здесь ничего не светит, пока мы здесь... Скоро подойдёт тяжёлая техника. Тогда им и вовсе придётся прыгнуть в реку... Хаахааа. Давая я ещё немного поиграю... Смотри нашим солдатам нравится... Они улыбаются... Ну, кое – то..., – смело заявил Отто.

– Отто. Мы потеряли Карло и Людвиг. Ты уже забыл об этом... Так я тебе напомню... Это были наши отличные солдаты. Я тебе всё сказал. Убери свою погремушку... Хватить играть и скалиться. А то на ней скоро будут играть русские..., – хмуро заявил Франц.

– Ну... Вот ты всё – таки испортил мне настроение..., – ответил приятель Отто Боано.

– Отлично. Может, теперь будешь умело сражаться и займёшься настоящим делом..., – сказал командир.

– Хаахаааа... Отлично сказано...

Фельдфебель Отто Боано слегка улыбнулся. Он, взирая на боевого приятеля, живо убрал в карман свой музыкальный инструмент. И тут же взялся за автомат МП – 40. Он быстро проверил боезаряд. Глаза округлились. Он живо осмотрелся. Внутри помещения витал затхлый, влажный запах. Хотя все окна уже давно не закрывались. Бетонный пол был усыпан гильзами всяких орудий. Тут же лежали окурки сигарок и самокруток, битые стёкла, грязная жжёная бумага. Виднелись и пятна крови на бетонных стенах, на полу и даже на потолке. Всюду лежали коробки, кирпичи и мешки, набитые речным песком. Они образовывали амбразуры и перекрытия для безопасного ведения огня. На них тоже имелись следы крови. Два больших длинных помещения на втором этаже перекрывались лишь пробитой тонкой межкомнатной стеной.

Здесь находилось около десяти солдат вермахта. Кто – то курил, кто – то перебирал свои фотографии, а кто – то просто дремал.

В исковерканные границы окон задувал ветерок. Дальше следовал коридор и лестничная площадка. Битые, колотые, бетонные ступеньки вели на первый и на третий этаж. Кое – где сильно оголялась арматура. А стенки перил и вовсе отпали от жутких взрывчатых снарядов. Здесь также везде лежали гильзы и всякий мусор. Несколько солдат вермахта курили сигареты, сидя в укрытии на лестничной площадке. Среди них выделялся рослый эсэсовец Лотар Свирки. Он имел овальное, суховатое лицо. Глаза узкие, глубокие с оттенком тёмных рубинов. Рот широкий. Имелся шрам на правой щеке. И, казалось, он был свежим. Всё же Лотар ехидно ухмылялся. Ему уже миновал сорок пятый год. Он собирал кинжалы. И у него уже насчитывалось семь штук. Он держал их в карманах, в сапогах и в рюкзаке. На нём плотно сидела шинель. Ремни тёмные блестели. Он значился старшим пулемётчиком. И умело рассказывал всякие байки. Эсэсовцы бегло переглянулись. На порочных лицах красовались улыбки. Все курили. Тянулся плавно дымок к потолку. Они держали на прицеле мощного орудия вход. На мешках стоял тяжёлый пулемёт ДП – 27. Тут же имелось несколько коробок, набитых пулями до края. Ещё в деревянном ящике лежали ручные осколочные, противопехотные гранаты с деревянной рукояткой фирмы «*Stielhandgranate m 24*». Имелись и трофейные гранаты РККА «РГД-33», «РГ-42», «ф1» и мины от небольшого миномётного орудия. В коридоре заметно посвежело. В окна поддувал резкий, холодный ветер со стороны реки.

Первый этаж здания напоминал больше укрепление – форт. На подоконниках лежали мешки и камни. Тут же стояли тяжёлые пулемёты МГ – 42. Солдаты вермахта сидели возле стен и за самодельными перекрытиями, которые состояли из кирпичей, деревянных коробок и блоков. Здесь заправлял всеми истинный ариец и оберфюрер Курт Эйки. Он имел вечно недовольный вид. Сам подтянутый и весьма развитый физически. Лицо морщинистое белое, – глаза узкие тёмные, нос большой и выделялись широкие ноздри, губы растянутые слишком и полные с оттенком сажи. Он носил тонкие тёмные усики. На глазах имелись круглые линзы. Но видел он отлично. Его широкий лоб был обвязан белым бинтом. И чуть проступала кровь. Он получил лёгкое ранение при штурме конторы. Сейчас был весьма сосредоточен. И умело управлял своими подчинёнными солдатами. На нём плотно сидел гладкий китель. У него имелись и награды в виде Железного креста и других орденов. Но он не носил их и не выставлял напоказ. Обладал некой скромностью и скованностью. Но в бою был суров и жесток. Тем более немецкая листовка №305 пехотной дивизии в Сталинграде требовала: «...*беспощадной жестокости на месте „Brutale Härte ist am Platz“*». Он чётко следовал всем инструкциям. И сразу урезонивал все неполадки. Имел суровое воспитание. И требовал от всех солдат строгой дисциплины. Рядом с ним восседали солдаты вермахта. Выделялся венгр Тони Бонел. Он числился правой рукой Курта. Они дружили и часто менялись всякими находками, – трофейными часами, кортиками и пистолетами. Тони был нескладен телом. Голова овальная. На нём тупо сидела большая каска. Кожа бледная и морщинистая. Глаза тёмные живо бегали. На нём сидел комбинезон танкиста и маскхалат. Недавно его танк-панцер-четвёртой модификации был жутко подбит. Он выжил один из всего экипажа. И теперь сражался в пехоте. И был заряжен дико. Он потерял разом всех своих лучших боевых приятелей. Он часто вспоминал и видел своими глазами, как ещё заживо горел капитан танка Фердин Брово. И быстро жизнь того угасла. И с порочного лица мигом слезла вся кожа.

Тони Бонел живо закурил сигарету. Дымок плавно потянулся над его головой к обгорелому и закопчённому потолку. Курт, сидя на бревне, смотрел прямо. Он был несколько задумчив. Рядовой Йозеф Горен, вприсядку, подошёл к командиру. Он имел небольшой рост и вес. Лицо молодое светлое. Казалось, он недавно только окончил среднюю школу. Глаза навывкате, цвета белого.

– Командир пока всё тихо. Пост сдал. Тони твоя очередь дежурить. Так что давай. Потру-
дись..., – сказал Йозеф.

– Ты сказал пока всё тихо..., – усомнился Курт.

– Да... Всё тихо...

– Но пока... Ты сам это сказал..., – произнёс Тони.

– И что?

Оберфюрер Курт Эйки и рядовой Йозеф прямо посмотрели на порочное лицо приятеля. Тот крепко затянулся табаком. И слегка недоумевал. Он чуть пожал неразвитыми плечами.

– А что вы так смотрите на меня? – спросил Тони Бонел.

– Тони... Ты ещё здесь..., – навеселе сказал Йозеф.

– Что ещё? Заткнись... Пока я тебя вот этим не накормил. Так и быть. Подежурю...
Но потом мы с тобой поговорим... Приятель...

– Хаахаааа... Во даёт...

Повеял холодный ветер. Тони, зажав губами сигарету, крепко взялся за автомат. Он двинулся вперёд, где располагалось место для часового. Тони живо прижался к бетонной стене. И бегло осмотрел весь периметр. Кругом витала тишина и пустынность. Везде возвышались обломанные, стальные и каменные конструкции. Вдали тянулась томная замысловатая дымка. Она слегка, но красиво извивалась.

Небо пестрило томными, холодами красками. Кругом виднелись рваные неясные облака. Задувал лихой промозглый ветер. Казалось, намечался быстрый дождик. Красноармейцы, лежа на камнях, чутко присмотрелись. И бегло переглянулись. Пушкарь Афанасий прищурил глаза. Он ещё раз зорко глянул в бинокль. И всё быстро прикинул. Мысли томили. *«Так тут метров восемьдесят. А может, и чуть меньше... Пробьём. Точно пробьём бронебойным снарядом. Тем более уже стена битая. Пробьём наверняка. Не подкачаем. Пробьём с первого выстрела... Это точно... Мало им не покажется. Сволочи... Во что город превратили. Сейчас погодите немного... Мы вам крепко врежем... И ноги не унесёте... Сейчас гады... Чуть погодите... Изверги...»*, – подумал он. Афанасий передал бинокль старшине. И слегка ухмыльнулся, взирая на добротное лицо боевого приятеля. А тот задумался. Глаза округлись, как у дикого кота, который охотился на кухне за сметаной.

– Ну... Не томи Афанасий. Что скажешь? Пробьёте стену... Или как? – спросил старшина.

– Мы всё пробьём Коля. Так что готовьтесь к атаке. Пробьём... Сразу пушку поставим и пробьём. С первого выстрела пробьём. Это я тебе говорю... Может, ещё и вам пособим немного... Сразу кого хлопнем. Но это как повезёт... Там смотрите лучше сами..., – ответил Афанасий.

– Верно всё говоришь Афанасий. Значит, атака по готовности. Вы бьёте в край стены. Мы заходим в здание. Дальше по обстоятельствам. Но смотри... Как первый этаж возьмём. Берите цель на второй этаж. И бейте осколочными снарядами. Но только по команде... Внизу мы их зажмём... Всё ясно... Стрелять по команде... Сигнал будет... Рукой махнём... Всё понятно..., – заявил старшина.

– Да... Так точно..., – ответил Афанасий.

– Тогда к делу... Бойцы... На изготовку... Всем приготовиться к штурму конторы..., – грозно сказал командир – старшина Николай Ярилов.

– Федя. Айда сюда..., – сказал Кондрат Куклин.

Повеял холодный ветер. По каменной насыпи тихонько потянулся вперёд снайпер Федя Долгов. Он имел невысокий рост и весил немного. На нём красовался маскхалат. Лицо приятное. Он походил на грека. Казалось, ему на вид пятнадцать лет. Но ему уже исполнилось двадцать три года. Он работал художником. А за одно часто ходил в тир. Теперь был снайпе-

ром на войне. И уже не раз проявил себя, как меткий стрелок. Правда, и ему досталось. Пуля угодила в левую руку. И так он потерял мизинец. Но боль стерпел. И вновь вернулся в строй. Федя прижался к командиру. Тот зорко глянул на душевное лицо бойца. Глаза прищурил.

– Так. Федя. Ставлю перед тобой боевую задачу. Видишь здание. Окна. Твоя цель окна. Не дай им высунуться, когда мы пойдём в атаку. Бей сразу. А то пулемёт поднимут. Нам мало не покажется... Всё уяснил..., – твёрдо сказал старшина Николай.

– Да... Я понял. Сделаю... Я вас прикрою..., – ответил Федя.

– Вот и ладно. Выбери себе точку получше. Наверное, уже приметил какую... АААА...

– Да... Я прикрою... Вы же быстро к зданию метнётесь. Ну, а если что... Я тут как тут... Справлюсь..., – сказал Федя.

– Молодец. Федя... Дерзай..., – ответил старшина.

– Да...

– Все по местам... К бою, – добавил командир Николай.

Старшина слегка нахмурил свое лицо. Глаза прищурились. Он чутко глянул через бинокль на разбитое здание заводской конторы. Мысли слегка томили. *«Ну... Как говорить с богом... Была не была... Справимся. Вот же упыри... Засели там... Ничего... Сейчас мы вас выкурим оттуда... Погодите чуток...»*, – подумал он. Николай Ярилов выдохнул. Он крепко взялся за свой табельный автомат ПППШ – 41.

Небо пестрило тёмными, рваными, холодными облаками. Ветер заметно поддувал. Слегка закрапал косой дождик. Но он был практически не приметен. Бойцы живо чуть показали сорока пятимиллиметровую пушку «К-53». Афанасий командовал лихо. Он сам взялся за станины. Василий тащил ящик с боекомплектом. Артиллерийское орудие установили под небольшой горочкой из камней. И тут же навели ствол прямо по цели. Афанасий лично облюбовал щиток и прицельное приспособление. Руки быстро работали, крутя плавно винт накатника. Старшина Николай Ярилов махнул рукой, дав сигнал к атаке. Бойцы уже заняли свои позиции для рывка. Все насторожились.

Ветерок чуть поддувал. Афанасий со своей бригадой, находясь за щитком пушки, нажал на спусковое устройство. Бронебойный снаряд уже сидел в затворе. Воздух сотрясся от гулко-го выстрела. Тишина резко оборвалась. Потянулся бело – серый дымок над стволом противотанкового орудия. Шальной снаряд со свистом полетел по воздуху. И тут же вонзился в бетонную стену. Кирпичи живо дали трещину. И посыпались в разные стороны. Появилось довольно большое отверстие на углу стены. Всё запорошило едким дымом. Пронёсся гул и эхо по разрушенной улице. Тут же в здание ворвался едкий дым. Пыль встала дымом. Несколько солдат вермахта отлетело в сторону. Кого – то сильно накрыло каменной глыбой. Курт Эйке только вздрогнул, прижавшись к стене. Калёный ломаный острый кирпич вонзился ему прямо в лицо. Брызнула кровь небольшой струёй на стенку и пол. Сам Курт завалился на спину. И слегка задёргал судорожно руками и ногами. Его конец близился. Лицо просто невероятно раздробило и изуродовало. Люис – коренастый белокрысый солдат принял смерть от осколков. И каску потерял. Он отлетел от стены на несколько метров, где недавно сидел. Вся его спина окроплась кровью, насытившись осколками мощного снаряда. Йозеф Горен был обезглавлен. Мощная глыба до неузнаваемости растерзала его плоть. Теперь он лежал ничком. На бетон текла кровь. И показалась уже лужа.

– ААААА... ААА, – кто – то закричал, таясь в жутком дыму.

– Alles zur Verteidigung... Die Russen auf dem Unterweg... Alles zur Verteidigung... «Все к обороне... Русские на подходе... Всем к обороне...», – громко закричал Тони Бонел.

– АААААА... ААА..., – истошно закричал солдат Жорд, лишившись кисти правой руки.

Жорд быстро пополз по бетонному полу. Всё его форма перепачкалась в пыли и крови. Глаза тёмные стеклянные округлились. Теперь он походил на хамелеона. Дышал тяжело. Он

прижался к стенке. И невероятно ужаснулся. Тело затряслось. Его бросило в жуткий жар. Боль томила жутко. И сотрясала всё тело. Кровь живо текла из рваной раны.

– АААААА... ААА..., – истошно закричал он.

Повеяло холодным ветром. Бойцы 13 гвардейской стрелковой дивизии живо поднялись в атаку. Они быстро побежали по разбитым каменным глыбам и завалам. Кто – то живо нырнул в глубокую воронку. Рядовой Степан Карпов держал в руках ручной пулемёт «Дегтярёва». Низкорослый мужичок уже отметил своё пятидесятилетие. Лицо грубое, медное. Глаза как у шального кота, который ни с кем не хотел делиться сосиской. Степан взял на прицел верхние окна здания. И был готов стрелять. Впереди всех держался Кондрат Куклин. Он держал в руке пару ручных гранат. И уже вылетела чека и у той и у другой лимонки. Все бойцы метнулись вперёд. И выглядели страстно. Старшина крепко впился в автомат ППШ – 41. Он держал наготове гранату «f1». Он бежал быстро, не сводя глаз с окон здания конторы. Мысли томили. Бойцы стремительно приближались к своей цели. Уже во всю длину показалась разбитая улица.

– Уууууррраааа...

На первом этаже замелькали огоньки. Солдаты вермахта открыли огонь из автоматов. На втором этаже показалась грузная фигура в квадратной каске. Лицо жуткое. Глаза лютые, как у кобры. Гренадёр Эмо Стоус взялся за чешский пулемёт «ZB – 26». И тут же открыл огонь по бегущим бойцам. Гулко забарабанило его орудие. По камням ударила трассирующая трасса. Боец Роман Тонин покосился и нырнул головой вниз в котлован, который создал большой снаряд. Он так и замер вверх тормашками, свалившись на дно. А ноги смотрели ввысь. Валя Боровов упал взад себя, широко раскинув руки. Его чумазое, грубое лицо уставилось в небо. Глаза окаменели. Автомат выпал из рук. Мощный торс и широкие плечи окропились кровью. Валя замер на месте. Чуть в стороне покосилось ещё несколько бегущих фигур. И те слились с камнями на земле. Но бойцы бежали быстро. И дали беглые залпы из орудий. Гул не утихал.

– Ууууурррраааа...

Снайпер Федя Долгов решил отдать долг немецкому пулемётчику. Воздух сотряс выстрел. Солдат вермахта Стоус лихо дёрнулся. И отступил назад. Его голова и каска окропились кровью. Пуля точно пробила широкий лоб. Громоздкий солдат упал на бок, как оловянный. Но тут же в другом окне показалась тёмная фигура эсэсовца Лимна Ронка. Тот имел сухожильное тело. И жуткое лицо. Чем – то походил на Годзиллу. Только огонь изрыгать не мог. И вновь воздух сотрясли выстрелы. Степан Карпов не дремал. Он, находясь в укрытии, нажал на курок ручного пулемёта «ДП-27». Воздух сотрясли выстрелы. И пули облюбовали каменные стены. Прямо прокатились по ним. Посыпалась штукатурка. И осколки кирпича засвистели.

– АААААА... Сволочи, – закричал он.

Воздух сотрясла противотанковая пушка. Афанасий выстрелил по цели. Колёса качнулись. Из дула вылетел бронебойный снаряд. Он живо миновал расстояние до цели. И тут же вонзился куда надо. Вверх потянулись глыбы тёмного дыма. Вылетело несколько мощных каменных блоков. И Лимка Ронка превратился просто в пепел. Его жутко порвало снарядом. Казалось, из его развитой плоти вылетели языки пламени. И кишки вырвало из живота. Брызнула кипучая кровь. И порванное тело выбросило, как мешок с верхнего этажа. Пулемёт замолчал.

Веял холодный ветер. Гул орудий не угасал. Из второго этажа заводской конторы вылетело несколько ручных гранат. И один снаряд тут же разорвался. Вспыхнуло белое облако. Емельян Сосулькин, широко шагнув, покосился. Под ним вспыхнул и дым, и огонь. Его лицо круглое сальное искривилось гримасой. Телогрейка раскрылась. Глаза светлые дикие округлились. Он ощутил сильную боль под лопатками и в бёдрах. И тут же грузно рухнул на битые камни. Винтовку крепко сжал в руках. Но тут же поник, скончавшись на месте.

– АААААА... ААА, – застонал Петя Гошев, получив осколком по лицу.

Рядовой Пётр несколько потерялся, завалившись на коленки. Но сохранял над собой полный контроль. Левый глаз стал плохо видеть. Пол-лица затекло кровью. И струйка живо пульсировала. Всё же Петя нашёл в себе силы подняться. Он захромал. Но не утерял хватку. И дал мощный гулкий залп из табельного автомата. И, казалось, попал в противника.

– АААААА..., – громко закричал он, идя в атаку.

– Вперёд бойцы... Огонь, – дал команду старшина Николай Ярилов.

– Уууурррраааа..., – закричали бойцы.

Веял холодный, пронизывающий ветер. Гул боя не утихал. Кругом рисовались жуткие картины. Рядовой Кондрат Куклин плотно прижался к бетонной стене здания. В ушах гудело. Глаза он прищурил. В дыму мелькали фигурки. Бойцы затаились, чтобы резко пойти на штурм. Кондрат, недолго думая, запустил сразу все три гранаты в широкий пролом. Они разлетелись по всему залу, где таились солдаты вермахта.

– Granate... Hinlegen... Alle sind untergetaucht. Granate... Jeder verlässt diesen Raum... «Граната... Ложись... Всем в укрытие. Граната... Всем покинуть эту комнату...», – громко закричал Тони Бонел.

– Wir gehen alle... «Все уходим...».

– Granate... «Граната...».

Немецкие фельдфебель Тони и ещё несколько томных фигур живо метнулись в сторону каменного перекрытия, за которым виднелся коридор. Но не все успели вовремя спохватиться. Гранаты живо разорвались. Они гулко сотрясли воздух. С бетонного пола поднялась пыль. Она слепила и забиралась глубоко в лёгкие. Посыпалась штукатурка, и даже осколки каменных кирпичей обвалились местами. Они летали из стороны в сторону, как пули. Сухожильный рядовой Майс Кунс весь затрясся. Его тело извело. И пронзило жутко лютыми осколками. Весь маскхалат забрызгало кровью. Он, сделав оборот вокруг своей оси, упал на бетонный пол. Лицо сухожильное почернело. Глаза узкие тёмные побелели. Свен Лор замертво навалился на разбитый оконный подоконник. Его широкая спина покрылась пятнами крови. Осколки били по нему нещадно. Китель весь изодрало. Упитанное лицо почернело. И глаза цвета мыльных пузырей слиплись. Солдаты вермахта Фронси и Юник побежали. Но их накрыла жуткая взрывная ударная волна. И пыль жуткая накрыла их как покрывало. Оружие вылетело из рук. Они ударились друг об друга. А затем вместе упали. Словно так и задумано. Фронси потерял кисти рук. Ему сильно изуродовало лицо. Левый глаз вылетел из орбит. Язык уже варёный показался из порваного рта. Казалось, по его физиономии прошёлся гигантский слон. И просто растоптал того в лепёшку. Юник лежал замертво ничком. И руки растянул и держал впереди себя. Как будто показывал, что сдаётся, даже несмотря на то, что был уже мёртв. Из рта тонкой струйкой текла кровь. Лицо узкое почернело. Глаза уже стеклянные, как у куклы.

Дым плавно рассеивался. Бойцы 13 гвардейской стрелковой дивизии лихо ворвались на первый этаж в здание полуразрушенной конторы. Все живо рассредоточились. Старшина Николай Ярилов двинулся вперёд. Его сопровождали верные бойцы. Но тут же все укрылись за мешками, набитыми речным песком. В томном озарении замаячили огоньки. Воздух сотрясли автоматные выстрелы. Солдаты вермахта дали о себе знать. Ими управлял Тони. И походил на лихую пантеру. Глаза округлил. Лицо чумазое. Белели лишь зубы.

– Russische Bastarde... Feuer auf sie... Töten Sie alle... «Русские сволочи... Огонь по ним... Убейте всех...», – крикнул Тони.

– Schießen... «Стреляйте...».

Пронёсся лихой свист от стрельбы. Бойцы не дрогнули. Они ответили огнём. Кондрат живо взялся за ручную гранату. Но фельдфебель Тони решил бросить ручной снаряд чуть раньше. Он кинул без замаха. «М 24» быстро покатила по полу. Она слегка дымилась.

– Граната, – крикнул Демид Буркин.

Бойцы резко метнулись в сторону. Демид пособил. Он деревенский мужик таранного типа. Лицо, как морда у кабана. Глаза лютые. Кулаки с пудовую гирию. И тело мощное. И он свирепый по характеру. Но когда пьяный, то весёлый. А так только бы подраться с кем-нибудь не важно. Он быстро всех растолкал. И бойцы присели. Прогремел взрыв. Воздух сотрясся. Пыль заиграла. И вновь посыпалась штукатурка в зале. Стены облюбовали осколки шального снаряда. Демид, лежа на полу, схватился за плечо. Телогрейка окропилась кровью.

– ААААА... ААА... Суки..., – простонал Демид.

Боец Кондрат тут же метнул гранату «F1», где били из орудий автоматчики. Она удачно покатила и показалась прямо возле их ног. И они только вздрогнули. Прогремел гулкий взрыв. Воздух сотрясся. Поднялась пыль. Дым бело – серый потянулся стеной. Автоматчики покосились замертво. Кто – то упал как оловянный. Кого – то отнесло далеко в сторону. И дым струился, как из сломанного глушителя. Бок Нилс лишился всех фаланг на руках. Он сам прилип к стене. И пустил шипучую кровь изо рта. А фельдфебель Тони Бонел просто отлетел в сторону, как соломенная кукла. Торс его пробил жутко. С правой стороны оголились рёбра. Лицо страшно почернело. Вылетело левое глазное яблочко. Кровь его окропила бетонный пол. И пулемётчик Лотар Свирки, сидя на лестничной площадке, увидел своими глазами, как вылетел из коридора зала отменный стрелок вермахта. Затем тот кувырнулся, как мячик. И быстро миновал несколько метров. И замер на бетонном полу, лёжа калачом. Лотар заглотил слюну. Глаза полезли на лоб. Он ужаснулся. Он ещё крепче сжал развитыми руками тяжёлый пулемёт. И взял на мушку выход из зала. Его приятели переглянулись. И взялись крепко за автоматы. Все ждали появления русский бойцов. Виднелось лёгкое волнение.

Повеял лёгкий дымок. Он плавно рассеивался. Боец Василий Белкин крепко сжал в руке гранату. Лицо округлое, медное напрялось. Глаза тёмные сузились. Он, прижимаясь к стене, резко выскочил из зала в коридор. И уже замахнулся. Но тут же воздух сотряс гулкий русский трофейный пулемёт «ДП – 27». Лютовал Лотар Свирки. Он крепко вцепился за ручку. Скулы сжались. Губы потянул. И оголил свои белые зубы. Ещё и гранаты полетели, откуда – то с верхней лестничной площадки. Одна тихонько скатывалась по ступенькам и дымилась всё время. Вася, не успев бросить гранату, вздрогнул не один раз. Его тело пробил мощные свистящие пули. Он, замахнувшись, весь покривился. И навалился на битую бетонную стенку. Густой кровавой волной обмазал оголившиеся кирпичи. Пули били по нему нещадно. Его сковала жуткая боль.

– ААААА... ААА, – крикнул он.

Юркий невысокий боец Василий померк, приняв свою страшную кончину. Его телогрейка заметно окропилась кровью. Сухожильное лицо исказилось. Глаза лютые сомкнулись. Тут же воздух сотрясся гулками взрывами гранат. Поднялась пыль. Ещё грохнуло сильно – сильно. В ушах зазвенело. И граната Белкина взорвалась. Она вывернула с корнем руку неживого бойца. И все фаланги отлетели с брызгами крови в стороны и непонятно куда. Багряная влага живо распылилась, смешавшись с пылью. Боец Василий отлетел в сторону, облюбовав облако чёрного дыма. И грузно упал возле лестницы. И замер ничком. Лицо сильно обгорело. Он был мёртв.

Гренадёр Лотар Свирки не отпускал курок пулемёта. Он всё бил и бил. Летели гильзы. Теперь стрелял по стенам. Казалось, хотел пробить их насквозь. Мощная пулевая струя ударила по колотым кирпичам. Всё же он отпустил курок. И, глядя зорко, вновь умело прицеливался. Глаза прищурились. Показалась на порочном лице ядовитая ухмылка.

– Komm schon... Bastarde. Ich werde Sie alle hierher bringen. «Давайте. Сволочи. Я вас здесь всех положу...», – закричал он.

Старшина Николай Ярилов долго не думал. Он, выдержав паузу, живо приблизился к пространству коридора, где располагалась лестничная площадка. Там витал едкий и опасный дым. И, тут же не выходя из зала, ловко метнул гранату «F1». Его кисть руки работала уни-

кально. Лимонка полетела по невероятной траектории. Она, облюбовав ломанную стену, мигом залетела за шиворот эсэсовцам. Лотар только глазами своими ненормальными моргнул. И сейчас был похож на странную подводную сущность, перед которой быстро открылась рыбацкая сеть. Дорин Кен просто затушевался. Лицо сухожильное обомлело. Глаза цвета мыльных пузырей полезли на лоб. Шея тонкая вытянулась. Он уже решил бежать. Да осознал поздно свой проступок. Ударил по телу холодок. Он чуть опустил автомат.

– Granate... Ausführen... «Граната... Бежим...», – закричал напарник Дорин.

Воздух сотряс гулкий взрыв. Мешки с речным песком кувырнулись вместе с кирпичами. Пулемёт завалился вперёд и упёрся длинным дулом в бетонный пол. Вверх потянулась тёмная дымка. Гренадёр Лотер Свирки не высидел на месте. Его выбросило ударной, взрывчатой волной. Как птенца из гнезда. И он полетел вниз, кувыркаясь по ступенькам. Всю шею растерзало. Оголилась порванная гортань. И жилы багряные показались. Лицо закоптилось до неузнаваемости. Вся кожа слезла и зашипела кровь. Он замер прямо на лестничной площадке вверх тормашками. Ноги держал на окровавленных ступеньках. Его шинель сильно порвалась. И виднелись глубокие раны в области живота. Он уже не дышал, потому как был мёртв. Его приятель Дорин Кен прижался к бетонной стене. На лице оголились кости. Его сильно обожгло. И дымилась чёрная кожа. Глаза побелели. Весь его торс пробили жуткие осколки разорвавшейся гранаты. Дым стелился, как ковёр. Пахло горелым невыносимо. И слышался треск.

Дым расплывался медленно. Повеяло жуткой, взрывчатой гарью. И вновь посыпались гранаты с третьего этажа. Прямо ударил град из гранат. Солдаты вермахта решили ударить. И не спали. Бойцы живо рассредоточились. Старшина Николай затаился за крепкой кирпичной стеной. Сердце сжалось в груди. Глаза прищурились. Мысли томили. *«Вот сволочи. Гранат на нас не жалеют... Ладно... Надо чтобы Афанасий ударил из пушки... Сейчас мы вас взгреем скотоложцы хреновы...»*, – подумал он.

– Пахом... Дай знак Афанасию... Пускай пальнёт по третьему этажу... Мы сразу заходим на второй... Давай..., – скомандовал Николай.

– Да... Сейчас...

Боец Пахом Гагарин живо метнулся к выходу. Он был невысокого роста и весил немного. Быстрый и юркий, как сокол ясный. Лицо малоприятное. Глаза навывкате цвета плазмы. Рот широкий. Он часто дымил, как паровоз. Пахом показался пушкарям на горизонте. И, тут же активно замахав руками, указал на третий этаж. Сам живо нырнул в укрытие. И быстро пошёл тем же путём. Сердце билось быстро. В руках крепко сжал трофейный автомат МП – 40.

Повеял холодный ветер. Бойцы живо взяли за станины сорока пятимиллиметровой пушки. И быстро потащили вперёд своё грозное оружие. Под высокими колёсами лежали битые кирпичи и камни. Афанасий Большунов зорко глянул на фасадную сторону заводской конторы. Там из проломов тянулся тёмный дымок. Глаза прищурились. Мысли томили. *«Он указал бить по третьему этажу... Но наши ещё на первом. Значит... Скорее всего, коридор. Хрен просьшишь. Ладно... Вижу там есть отверстие на третьем этаже... Если в его попасть. Бронбойным снарядом туда можно попасть... То попадём в первый зал на третьем этаже... И рядом коридор. Ладно... Надо быстро и точно пальнуть в это отверстие...»*, – подумал он. Афанасий чутко присмотрелся, держась руками за пушку. Василий Дамко и Герасим Пятюхин напряглись, держась за станины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.